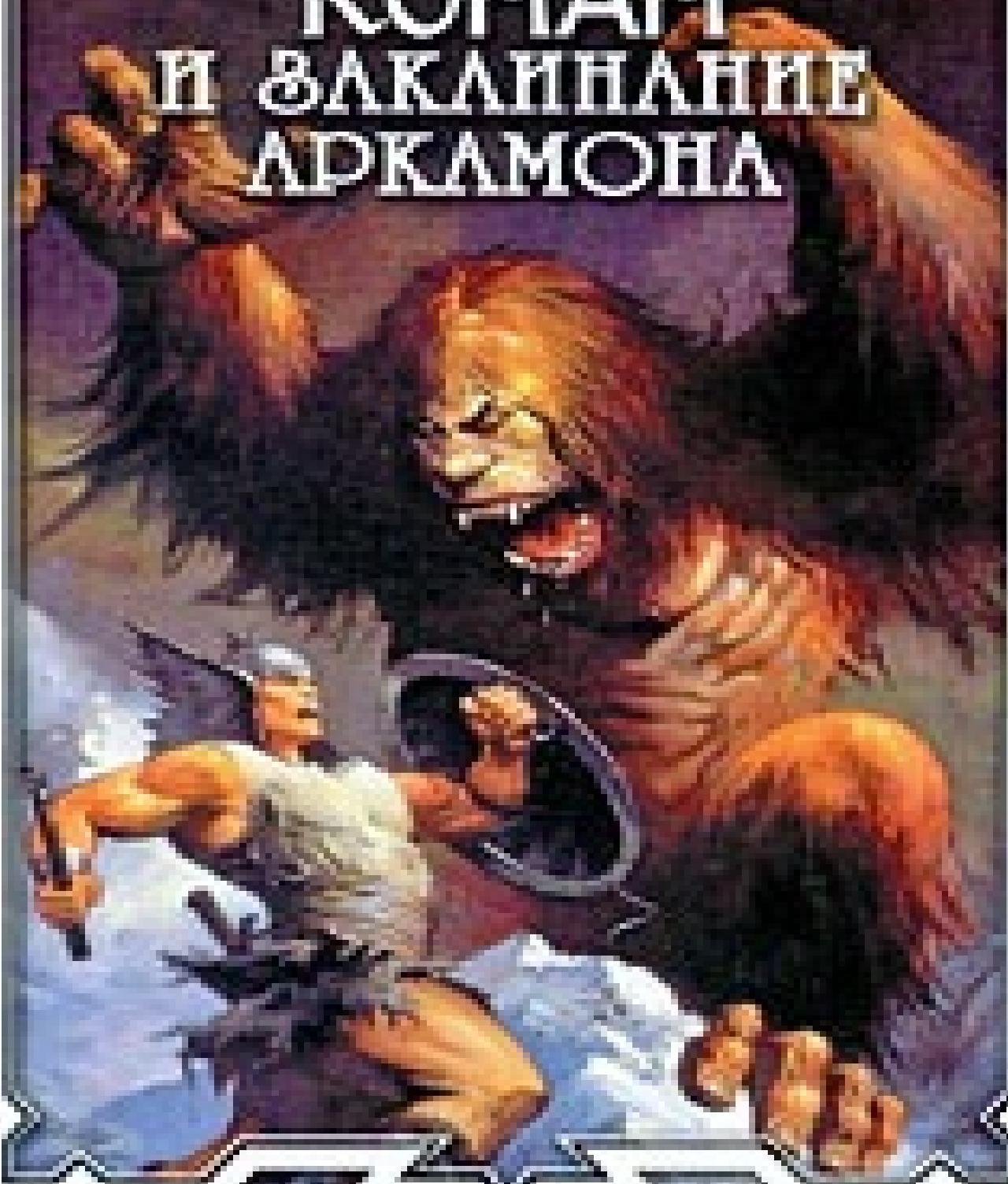

КОНАН И ЗАКАНИЕ АРКАМОНА

Annotation

В одной из таверн Шадизара Конана нанимает древняя старуха, для того чтобы он нашел пропавшую при загадочных обстоятельствах девушку.

•

Дуглас Брайан

Заклинание Аркамона

Разные люди захаживали в кабак Абулетеса на окраине Шадизара. Самые разные. И воры, и солдаты, и городские стражники, и неудачники, и просто искатели приключений.

И в женщинах здесь тоже никогда недостатка не наблюдалось. Молодые и не слишком, красивые и не очень. Но все они так или иначе готовы были пойти на риск, вступив в общение с завсегдатаями кабачка, — и были, в общем и целом, привлекательны и доступны.

Киммериец Конан, беспробудно пьянившись там уже вторые сутки, уставился на вошедшую особу так, словно перед ним явилось привидение. Впрочем, Конан оправился быстрее и проще остальных свидетелей разыгравшейся сценки. Киммериец попросту решил, что все происходящее ему пригрезилось. Нельзя ведь безнаказанно выпить такое количество вина!

Прочие, к сожалению, не могли быть так уверены в том, что перед ними — призрак. Более того, спустя несколько минут большинство уже не сомневалось в полной реальности явления.

В кабачок на окраине Шадизара вошла старушка...

Не грязная, прожженная бестия, старая ведьма, сводня или подручная работоговца, — о, нет! Судя по одежде, то была именно почтенная старушка, обитательница уважаемого дома. Какая-нибудь нянюшка или пожилая тетушка из числа небогатой родни.

Она была закутана в длинное покрывало темно-синего цвета. Ткань добротная, хотя вещь и выглядела поношенной. Она могла быть подарена старушечки, за ненадобностью, кем-то из состоятельных родственников. Пожилая особа шла, сгорбившись и шаркая по полу сандалиями из хорошей кожи.

В том, что это именно старушка, а не молодая женщина, ради каких-то целей притворяющаяся таковой, легко было убедиться, взглянув на руки, которыми дама придерживала свое покрывало. Сморщеные, покрытые пятнами, потемневшие, как пергамент, — эти руки могли принадлежать только очень старой женщине.

Она остановилась посреди кабачка и немного растерянно огляделась по сторонам.

Абулетес приблизился к ней, на ходу обтирая жирные ладони о засаленный фартук. Ни фартук от этого не делался грязнее, ни ладони чище, но Абулетесу нужно было производить хоть какие-то телодвижения, дабы продемонстрировать свою деловитость и скрыть растерянность.

— Что угодно? — громко обратился он к старой женщине. И, наклонившись к ее уху, понизил голос: — Что ты здесь делаешь, старуха? Это не место для таких, как ты! Уходи подобру-поздорову, пока тебе здесь кишки не выпустили!

— Кому охота выпускать кишки старой женщине? — удивилась старуха. Она не сочла нужным шептать, подобно Абулетесу, и таким образом содержание их разговора сделалось

известным для окружающих. — Я ведь всего-навсего старая женщина, беспомощная и бедная.

— Бедная? — Абулетес насторожился. — Насколько бедная? Если ты не в состоянии заплатить за еду и выпивку, то можешь рассчитывать лишь на кусок хлеба и стакан воды. Я вовсе не такой жестокосердый, как меня тут изображают... некоторые... — Он покосился на одного из наемников, от которого совсем недавно слышал подобное обвинение. Солдат сделал вид, что не замечает взгляда, хотя разговор забавной старушенции с Абулетесом многих заинтересовал и позабавил, так что общая болтовня вдруг утихла: завсегдатаи прислушивались. — Но заниматься благотворительностью я тоже не могу себе позволить. Не в моих правилах. Да и никаких денег на всю ораву не напасешься — нищих-то пруд пруди, а Абулетес — один.

— Принеси стакан воды, — согласилась старуха. — Хлеба не нужно. В моем возрасте человек ест мало.

В ее речи слышалась та изящная правильность, которая возможна лишь в одном случае: если человек никогда не употребляет бранных выражений и не коверкает слова при общении с подонками общества.

Старуха определенно начала нравиться обитателям кабачка. Один из них, наемник с изумительно чумазым лицом и жилистой тонкой шеей, которая выглядела так, словно ее обладатель не раз уже избегал петли палача, выразил свою симпатию криком:

— Эй, старая кочерга! Шевели-ка своими трухлявыми подпорками до моего стола — я налью тебе пойла понажористей воды.

— У Абулетеса и вода нажориста, — захохотал рядом с ним другой, как нарочно, жирный и вовсе без шеи (но такой же чумазый). — Не пей ее, бабка! От грязи да насекомых впору с супом перепутать.

Блестящий глаз, заметный в маленькую щель в покрывале внимательно рассматривал наемников. Затем зашелестел старческий голос:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Она не понимает! — Тощий наемник в восторге хлопнул ладонями по столу. — А? Ты слыхал подобную шутку? — Он повернулся к своему жирному приятелю в поисках поддержки.

Тот только качал головой и ухмылялся, демонстрируя черную дыру там, где у большинства людей зубы.

Старуха повернулась к солдатам спиной и зашаркала к столику в углу, где подремывал убаюканный забавным сновидением Конан. Когда она опустилась перед ним на скамью, киммериец открыл глаза. Мгновение он взирал на явление спокойно, убежденный в том, что это — удивительное воздействие на ослабленный пьянством ум каких-то безобидных трактирных чар. (Известно, что каждый хозяин трактира немножко колдун — эта мысль посещает каждого пьяницу на определенном этапе).

— Ты — Конан-киммериец? — обратилась старуха к молодому человеку.

Тот вдруг насторожился. Для видения это было уж слишком! Ни одно видение не рассуждает так разумно и складно. "Ты — Конан-киммериец?" Фраза более чем изящная!

— Я, — буркнул он в ответ. Его синие глаза вспыхнули мрачным огнем. То, что представлялось забавным и необязательным, обернулось обычным трезвым разговором.

— Мне сказали, что ты самый ловкий вор в Шадизаре, — добавила старая женщина. Это не было лестью: она действительно говорила то, что думала.

Взгляд Конана немного смягчился.

— Положим, это так, — отозвался он. — Тебе что с того? Хочешь, чтобы я украл твою девственность?

Шутка показалась ему забавной, но старуха только вздрогнула и плотнее закуталась в свое покрывало.

— Ловкий человек может помочь мне, — сказала она.

— Я работаю за плату, — предупредил Конан.

— Возможно, оплата твоего труда будет велика, — загадочным тоном обещала старуха.

Киммериец негромко рассмеялся.

— Ты, кажется, не поняла, почтенная женщина. Никаких «возможно». Если речь не идет о том, чтобы обчистить сокровищницу какого-нибудь дворца или утащить алмаз из головы статуи почитаемого демона, то я не признаю ни «возможно», ни "потом".

— Сейчас у меня нет денег, — сообщила старуха. — Если ты добьешься успеха, деньги появятся. Это похоже на ограбление сокровищницы?

— Зависит от того, как много денег у тебя появится.

— Много. — И она вздохнула.

Конан с любопытством глядел на нее. Она казалась ему старой, как Атлантида. Сам киммериец был чревычайно молод, жизнь бурлила в нем, кровь вскипала в жилах, и весь мир,казалось, лежал у его ног. Стоило протянуть руку — и в ладонь сами собою ложились драгоценности, а женщины так и льнули. Стоило ступить на землю — и дорога без всяких усилий с его стороны стелилась ему под ноги.

Удивительно хорошо чувствовать себя молодым, всесильным! Впервые в жизни, кажется, Конан задумался о том, каково это — быть старым. Дряхлым, с трясущимися плечами, с поникшей головой и потухшим взглядом. Как видят мир эти блеклые глаза? Впрочем, нет, глаза у старой ведьмы, кажется, зоркие и блестящие. Любопытные — это точно.

Интересно, правы ли те, кто утверждает, будто старые женщины, утратившие силу плодородия, сплошь ведьмы и злодейки?

Конану не слишком-то хотелось иметь дело с таковой. Но никакой магии в старухе — по крайней мере, в этой, — он не ощущал.

Абулетес принес в глиняной кружке воды и с выразительной улыбкой поставил перед старухой. Конан тотчас щедрой рукой плеснул в кружку вина.

— Никогда не пей простой воды, особенно в кабаке Абулетеса.

— Меня уже предупреждали, — спокойно произнесла старуха и принялась цедить сквозь зубы воду, подкрашенную вином.

Абулетес пожал плечами, подмигнул Конану и ушел.

— Ты готов? — спросила старуха.

— Помогать тебе? — Конан усмехнулся. — По-моему, мы еще не все обсудили. Я не знаю ни работы, которую ты желаешь мне предложить, ни оплаты, которую я пожелаю за это взять.

— Меня зовут Эригона, — сказала старуха. — Для начала я должна показать тебе мое лицо. Я понимаю, что ты не можешь иметь дело с человеком, чьего лица никогда не видел. Ты готов?

— Прекрати спрашивать об этом! — зарычал Конан. Старуха вдруг начала выводить его из себя. Если бы на ее месте была юная красавица, Конан не испытывал бы такой жгучей скуки, но старуха с ее непонятным кокетством!..

— Я пытаюсь быть вежливой. Прости.

Конан метнул в нее испепеляющий взгляд, и она осеклась.

Ее руки шевельнулись, покрывало приоткрылось — так распахивается на миг дверь в опочивальню какой-нибудь распутной графини, чтобы явить поклоннику прелестное обнаженное тело и тотчас спрятать его опять за тяжелыми створками.

Увиденное поразило Конана настолько, что он поперхнулся и отчаянно кашлял несколько минут. Старуха с сочувствием смотрела на него, но не предпринимала никаких попыток постучать его по спине или сказать пару слов в утешение.

— Не может быть! — отрывисто бросил Конан в промежутках между кашлем и вздохом. —

Такого просто не может быть!

Старуха покачала головой и снова тщательно задрапировалась в синее покрывало.

— Ты ведь видишь, что это возможно. Я — есть.

— Покажи еще раз.

— Хватит с тебя и одного раза. У тебя слишком нежные нервы. Я надеялась, что варвар окажется более закаленным.

— Что ты знаешь о варврах, несчастная! — огрызнулся Конан. — Мы бываем куда более чувствительными, нежели так называемые «цивилизованные» люди. Разве не цивилизованные владыки четвертуют преступников, сажают их в железные клетки так, чтобы птицы падальщики склевывали их еще живую плоть? Никогда такого не видела? У варваров разговор короткий: если враг — голову с плеч и дело покончено... Покажи мне свое лицо. Я должен к нему привыкнуть.

Старуха опять развернула в стороны края покрывала. Конан воззрился на нее с неподдельным ужасом.

— Впервые вижу такую уродину.

Старуха была не просто стара и дряхла, она была безобразна. Это было само уродство во плоти. Ее нос, мясистый и жеваный, в сизых бородавках, нависал над верхней губой. Такие же бородавки украшали и губы — не красного, а какого-то трупного лилового цвета. Кожа ее лица имела землистый оттенок и была покрыта мириадами морщин. Бровей у нее не было вовсе, равно как и ресниц, и Конану не хотелось даже представлять себе, как выглядят ее волосы на голове. Только глаза, темные и внимательные, сохраняли живой блеск.

— Налюбовался? — спросила Эригона. — Надеюсь, ты получил удовольствие.

— Я получил сильное ощущение, — ответил Конан, — которое вряд ли можно назвать удовольствием. Как будто мне в задницу воткнули пучок стрел.

— У тебя богатый опыт, несмотря на молодость, — отметила старуха.

Конан понял, что она смеется! Неужели можно сохранить способность смеяться, будучи такой дряхлой... и такой отвратительной на вид? В это верилось с трудом.

— С меня довольно, — проворчал он. — Спрячь... это. Я недостаточно цивилизован для созерцания подобных... э... вещей. Мне жаль, что ты так выглядишь, — прибавил он, не желая показаться совсем уж бессердечным. — Наверняка у тебя добрая душа и все такое. И ты пользуешься любовью своих близких. Ну, я надеюсь на это.

— У меня нет близких, — сказала Эригона. — И я не пользуюсь ничьей любовью.

— Где же ты живешь?

Этот вопрос, казалось, поставил старуху в тупик. Она молча уставилась на Конана и ничего не ответила.

— Я просто пытаюсь прояснить для себя все обстоятельства, — пояснил Конан. — Если ты хочешь, чтобы я работал на тебя, ты должна дать мне как можно больше сведений. И мне хотелось бы получше представлять себе моего нанимателя, понимаешь?

Она кивнула, но очень растерянно.

— Попробуем еще раз, — сказал киммериец. — Где ты живешь? Учи, мне безразлично, обитаешь ли ты во дворце или под забором в канаве. Я лишь хочу знать...

— Не знаю, — перебила старуха. — Я еще не задумывалась над этим.

— Хочешь сказать, что до сих пор ты не жила нигде? — Конан прищурился. — Судя по твоему виду, ты прожила уже лет девяносто. И все эти девяносто лет ты существовала в «нигде»? Так не бывает. Хоть я и варвар, как ты утверждаешь, но даже меня, даже пьяного, невозможно убедить в том, что...

Он запутался в словах и просто махнул рукой.

Старуха накрыла его руку своей. Киммериец вздрогнул от ее прикосновения. Было такое

ощущение, словно древняя мумия дотронулась до него иссущенной конечностью.

— У меня еще не было времени подыскать себе жилье в Шадизаре, — пояснила старуха. — Так понятнее?

Конан кивнул и выпил еще вина.

— Ты пытаешься сейчас убедить меня в том, что прежде ты жила где-то в другом городе, а в Шадизар пришла одна-одинешенька, пешком, и при том не имея здесь ни одного знакомого?

— Приблизительно так... — Она вздохнула. — А что, не похоже на правду?

— Дьявольски не похоже, дорогая. Просто адски не похоже! Клянусь преисподней и всеми ее демонами, ты что-то от меня скрываешь. Осталось понять, что. Будь ты помоложе, я тряс бы тебя до тех пор, пока правда не посыпалась бы из твоих губок, как спелые плоды с дерева. Но, боюсь, если я хоть разок тряхну тебя как следует, ты развалишься — и тогда плакали мои денежки... Кстати, какую сумму ты мне обещаешь?

— Если мы с тобой добьемся успеха, ты получишь двести золотых полновесной монетой, — ответила старуха.

— Боги! — Конан сжал кулаки. — Кого же я должен убить для тебя, чтобы заработать все это?

— Не убить. — Она опять уставила на него свой загадочный взгляд и моргнула, как птица, не меняя выражения глаз. — Убить я могла бы и сама.

— Не сомневаюсь, — пробурчал Конан.

— Давай вернемся к твоему вопросу о том, где я живу, — предложила старуха.

Конан насторожился.

— Мне показалось, ты не хочешь это обсуждать.

— Я не хочу обсуждать способ, которым я добралась до Шадизара. Что касается жилья, то у меня нет ни крыши над головой, ни денег, чтобы эту крышу заполучить.

— Только не говори, что мечтаешь поселиться в этой дыре и что платить за тебя должен я, — простонал Конан.

— Ты угадал совершенно верно. Сними для меня комнату. Мне необходимо находиться поблизости от тебя. Это облегчит нам задачу.

— Тебе не приходило в голову, что такой постоялец, как ты, вызовет ненужные вопросы? — сказал Конан, целясь за последнюю надежду (в глубине души он понимал, что старуха права). — Люди захотят знать, почему я поселил рядом с собой не молодую, полную сил красотку, а...

— Безобразную старуху, — заключила она спокойно. — Конечно, поначалу многих это удивит, но скоро все привыкнут.

— Может быть, ты целительница? — с надеждой спросил Конан. — Это бы объяснило многое... Говорят, иногда кошмарные с виду старушечки умеют хорошо залечивать раны.

— Нет, — она покачала головой. — Никакая я не целительница. В травах я тоже не разбираюсь, если не считать двух-трех травок, которые кладут в соус. А от вида крови меня тошнит, и я падаю в обморок.

— В обморок? — Конан не верил своим ушам. — Эригона, в своем ли ты уме? Падать в обморок — привилегия молодых, богатых девиц! У всех остальных на это просто нет времени.

Эригона пожала плечами.

— Уж такая я есть. Итак, я вижу, что мы договорились. Ты снимаешь для меня комнату в кабаке Абулетеса и делаешь работу.

— Теперь, надеюсь, мы можем поговорить о работе?

— Нужно найти человека.

— Кром! Неужели я дожил до такого позора?

— Позора? — Эригона удивилась. — Я не посмела бы предложить воину ничего, что могло бы навлечь на него позор. Я хоть и женщина, но разбираюсь в вопросах чести!

— А как насчет моей воровской чести? Украдь, утащи, слямзить, выхватить из-под носа, отковырять да смыться — вот это служит к моей воровской чести. Убить какого-нибудь негодяя — еще одно достойное задание. Но найти!.. А кого я должен найти — за двести полновесных золотых?

— Молодую девушку. Ее звали Майра.

— Кем ты ей приходишься? Прабабушкой?

— Я не желаю это обсуждать! — в тоне старухи вдруг прозвучали резкие, даже властные нотки. — Я твой наниматель. Я сообщаю тебе необходимые сведения. Мои отношения с этой Майрой не входят в число необходимых сведений. Слушай внимательно. Майра — дочь богатых и знатных родителей. Ей было шестнадцать лет.

— Хороший возраст, — перебил Конан невозмутимо. Ему хотелось поставить старуху на место. Не хватало еще, чтобы им помыкала женщина, да еще такая уродливая! — В эти годы любая будущая крокодилица выглядит привлекательно. Что и сбивает с толку иных мужчин...

— Так и вышло, — подхватила Эригона, и Конан поразился тому, с каким изяществом она перехватила нить разговора. — Шестнадцатилетняя Майра была очень хороша. Темные глаза, густые черные волосы, очаровательный ротик... Она особенно гордилась своим ротиком, потому что по форме ее губы напоминали бабочку.

— Что ж, наверное, есть любители целовать распластанных бабочек, прилепленных к женскому лицу, — сказал Конан мстительно. — Лично я предпочитаю что-нибудь более классическое. Лук, к примеру, или луну.

— Как насчет винного следа от донышка кружки? — язвительно осведомилась старуха, указывая на лунообразное пятно на столе, оставленное кружкой.

— Тебе палец в пасть не клади, — фыркнул Конан. — Кажется, мы сработаемся. Продолжай.

— Очаровательная Майра была объектом страсти сразу двух женихов. Оба сватались к ней. Оба — из хороших семей. Одного зовут Аркамон, другого — Рувио. Ты запоминаешь имена?

— Они запечатлеваются в моей памяти так, словно их высекает резец ваятеля.

— Что ж, это лишь подтверждает мое предположение о том, что у киммерийцев гранитные мозги, — вздохнула старуха. — Надеюсь, твой внутренний ваятель достаточно быстр и ловок и успеет до конца месяца завершить свой нелегкий труд.

Конан сжал и разжал кулаки. Определенно, старуха превосходила его в остроумии. Так что на этой почве им лучше не состязаться.

— Продолжай, — буркнул он.

— Рувио имел у Майры больше успеха. Она не скрывала того, что предпочитает его Аркамону. Ни девушка, ни ее родители еще не дали окончательного ответа претендентам, но было совершенно очевидно, что победителем в этом поединке окажется Рувио.

— Ближе к делу, — сказал Конан. — Кто пропал, Аркамон или Рувио?

— Пропала Майра, если ты еще не понял этого. В один прекрасный день она попросту исчезла.

— Исчезла? — недоверчиво переспросил Конан. — А ее семья? Насколько я понял, она была хороша собой и богата, так неужели ее родня не предпринимала попыток отыскать дочь? Или ее похитили? Такое тоже случается. В таком случае мы пойдем за ними, и обещаю, что отыщу ее. Мне уже доводилось выслеживать такие караваны и отбивать украденных женщин у торговцев живым товаром. Надеюсь, это случилось недавно, и они не успели уйти далеко — и тем более не успели всучить твою красавицу с раздавленной бабочкой на физиономии какому-

нибудь похотливому владельцу гарема.

— Она погибла, — сказала старуха.

— В таком случае, я вообще не вижу смысла ее искать.

— Родные думают, что она погибла, — пояснила старая женщина. — Поэтому и не ишут. Видишь ли, в жаркий день она направилась к пруду, что имелся во дворе дома ее родителей. Ее одежда осталась на берегу, а сама девушка бесследно пропала.

— Они что, не смогли найти собственную дочь на дне собственного пруда? — поразился Конан.

— Ты поймешь, если я объясню тебе кое-что, — сказала старуха задумчиво. — Этот вопрос меня также занимал. Дело в том, что пруд выкопан в очень странном месте. В нем никто не купается. Оттуда берут воду для хозяйственных нужд. Иногда женщины дома приходят на берег и обливаются водой, зачерпнутой кувшинами. На поверхности, в том слое воды, который прогревается лучами солнца, плавают и резвятся маленькие золотые рыбки...

— Ты так подробно рассказываешь, как будто сама там побывала!

— Я и побывала там однажды под видом торговки мазями.

— Ты ведь не разбираешься в травах!

— Именно, — старуха кивнула. — Поэтому я всучила им овечье сало с мелко порубленной петрушкой. Не знаю уж, какое место на своем теле они стали этим смазывать... Какой-нибудь бедняк вполне мог бы приправить этой штукой свою похлебку.

— Возможно, они смазали служанку и съели ее, — с серьезным видом произнес Конан.

Старуха вздохнула.

— Я смеюсь, чтобы не плакать... А ты?

— А я смеюсь просто потому, что мне весело.

— Если бы я была здоровенным мужчиной, верзилой с конской гривой вместо волос на голове, с вот такими ручищами, — сухая лапка коснулась плеча Конана и снова юркнула под покрывало, — с такой улыбкой, как у тебя...

— Не вздумай со мной заигрывать, — предупредил Конан. — Я люблю женщин, но всему есть предел.

Эригона грустно вздохнула.

— Я не заигрываю с тобой, киммериец. Ты мне как правнук. Я восхищаюсь твоими статями.

— Еще скажи — что я тебе как конь.

— В таком случае — правнук моего коня... — Она засопела, как будто досадуя. — Словом, будь я мужчиной твоих статей, я бы тоже веселилась по поводу и без повода. Но у меня другая участь.

— Послушай, Эригона, ты была молода, хоть и очень давно, и наверняка взяла свое от жизни. Так что не печалься, а лучше вспоминай былое. Это должно тебя утешить. Во всяком случае, так говорили мне старики у нас в Киммерии... очень давно.

Она кивнула.

— Поверь мне, если бы у меня была бурная молодость... — Она осеклась и быстро закончила: — Будь у меня что вспомнить, я бы вспомнила.

— Неужели ты была жрицей-девственницей? — в тоне Конана послышался неподдельный ужас.

— Что-то вроде того.

— В таком случае наверстаем упущенное, — решил киммериец. — Я расскажу тебе десяток моих приключений, а ты уж постарайся впасть в маразм и решить, что это были твои приключения.

— На это нет времени, — сказала старуха. — Мы говорили о том, почему родственники

Майры не стали обыскивать пруд.

— Насколько я понял, дно пруда представляет собой омут или зыбучий песок, или еще что-то в том же роде?

— Именно. Ты быстро соображаешь.

— Таково свойство варварского ума.

— Остается лишь позавидовать. — Эригона опять приложилась к своей кружке.

Конан с любопытством наблюдал за ней.

— Ты уверена, что не голодна?

— Уверена... Разве что немного хлеба. Белого, если есть. И чуть-чуть овощей. Хорошо потушенных. Мне нравится со сметаной. Как ты думаешь, у этого Абулетеса есть сметана?

* * *

Эригона не объяснила, откуда у нее самой взялась уверенность в том, что Майра жива.

— Хочешь сказать, что тебе открыли боги? — допытывался Конан. Он припомнил, что она не стала отрицать, когда он предположил, будто Эригона была жрицей какой-нибудь богини.

— Я ничего не хочу сказать... Но пусть будет так. Мне открыли боги. В видении. Тебя устроит такое объяснение?

— Нет.

— Я так почему-то и решила. Конан, Майра жива! Я это чувствую.

Киммериец покусал губу.

— Хорошо. Надеюсь, мы не найдем труп. Или, того хуже, призрак, мстительный и требующий человеческой крови. Потому что если такое случится, я отдаю ему тебя. Ненавижу призраков!

— Такого не случится.

И тут Эригона в очередной раз удивила Конана. Она повозилась под своим покрывалом и вдруг сунула в руку киммерийца какой-то небольшой предмет.

— Возьми, это задаток.

— Задаток? Я, кажется, не просил задатка... но все равно спасибо. Это очень приятно.

Он разжал пальцы. На его ладони лежал искусно сработанный золотой браслет, украшенный так тонко, с таким изяществом, что сомнений не оставалось: вещь очень дорогая.

— Откуда у тебя это?

— Это вещь из дома, где жила Майра.

— Ты украла эту штуку?

— Завидуешь? Можешь всем рассказывать, что обчистил меня. Надеюсь, это прибавит чести к твоей воровской репутации.

Конан только головой качал.

— Ты знаешь о том, что ты — самая большая язва... в здешнем кабаке?

— В таком случае, не завидую хозяину. У него скучная жизнь, если я могу считаться здесь самой большой язвой.

— Жизнь делают интересной не... — начал было Конан, но Эригона прервала его:

— Довольно скалить зубы. Ты берешь браслет?

— Конечно, беру!

— Молодец. Вещь не заговоренная, самая обычная, только краденая. Поэтому продавать ее лучше не в Шадизаре, а где-нибудь подальше отсюда. Ты понял?

— Да. Все равно спасибо.

Старуха наелась и побрела к лестнице на второй этаж. Конан пошел следом, делая вид, что все происходящее имеет к нему весьма косвенное отношение. Ему приходилось прикладывать огромные усилия для того, чтобы не озираться по сторонам и не слушать насмешливые возгласы завсегдатаев кабачка. Ехидные замечания сопровождали киммерийца, пока он поднимался по лестнице вслед за старухой и показывал ей комнату, где та могла отдохнуть.

Затем Конан спустился обратно в зал, заказал еще кувшин вина и основательно напился.

* * *

Как и предсказывала Эригона, скоро в кабачке Абулетеса к ней все привыкли. Кое-кто начал именовать ее «мать», нашлись и такие, кто возомnil, будто она — целительница (раз уж не ведьма) и с охотой воспользовался мазью из овечьего жира и порубленной петрушкой. В знак благодарности исцеленный от синяков и шишек пациент преподнес Эригоне горшочек меда. Лакомство это в тот же вечер слопал киммериец. Он даже не поинтересовался, откуда мед.

— Я разведал сегодня дом Майры, — сообщил Конан своей сообщнице, облизывая липкие пальцы. — Сад обнесен стеной, но перебраться через такую стену для меня ничего не стоит. В саду все, как ты говорила. Пруд с рыбками, деревья, беседка. Сам дом недурен, но далеко не так богат, как хотелось бы. Создается такое впечатление, что семейство все деньги потратило на сад.

— А что не так с домом? — насторожилась Эригона.

— Фасад довольно грязный, резьба кое-где обвалилась... Впрочем, мне до этого нет никакого дела! — рассердился вдруг Конан. — Лишь бы там было достаточно всяких блестящих побрякушек.

— Будут у тебя побряушки, — с отвращением произнесла Эригона. — Неужели тебя больше ничто не интересует?

— А что меня должно интересовать? Безутешные родители погибшей Майры? Хороши родители, если так быстро «похоронили» в мыслях свою дочь!

— А что они, по-твоему, должны сделать?

— Хотя бы осушить этот проклятый пруд. Посмотреть, нет ли на дне распухшего, посиневшего, полуразложившегося тельца их милой доченьки. Лично я именно так и поступил бы.

— Ты отвратителен, — помолчав, произнесла Эригона.

— На себя посмотри, — огрызнулся он.

— Нет уж, я желаю спать спокойно! — отозвалась она.

Конан в очередной раз прикусил язык.

— Вот что я намерена сделать, — заговорила Эригона после паузы. — Представлюсь их дальней родственницей. У знатных людей всегда есть какие-то дальние родственники. Скажу, что прибыла из Аренджуна. Они сейчас убиты горем, так что не станут докапываться, откуда я взялась на самом деле. Поселюсь у них. Ты будешь при мне. Мой телохранитель и все такое. Присмотрись к происходящему.

— А ты?

— Я? Я впаду в маразм и буду мирно дремать на солнышке.

— Кром! — проговорил Конан. — Не будь ты так стара и безобразна, я пригласил бы тебя побродить со мной по свету. Да, от такого сообщника, как ты, я бы не отказался. Жаль, что нас разделяют почти сто лет. Сдается мне, в своей молодости ты вытворяла такие штуки, что мне и не снилось, и я с рассказами о моих похождениях кажусь тебе просто жалким.

Эригона не ответила. Она задремала, пустив слюнку из уголка рта.

Ларен, хозяин дома, удивленно смотрел на гостью, которую внесли к нему в сад на наемном паланкине. За паланкином шагал здоровенный верзила-телохранитель, варвар с лицом разбойника и пройдохи. Ярко-синие глаза телохранителя с интересом оглядывали дом, сад, Ларена, слуг, прибежавших на суматоху и вертевшихся поблизости. "Как будто ощупывает, — подумал Ларен неприязненно. — Интересно, сколько ему платит старая ведьма, чтобы он занимался таким ненужным делом — охранял этот полутруп? Наверное, немало!"

— Любезная... э... — обратился Ларен к гостье.

Та куталась в покрывало и молча моргала.

Конан выступил вперед.

— Мою нанимательницу зовут Эригона, — сообщил он звучным голосом.

Судя по тому, какое бессмысленное лицо сделалось у Ларена при этом заявлении, имя «Эригона» не говорило ему решительно ничего.

Старуха, напротив, заметно ожила.

— Эригона! — провозгласила она. — Мое имя. А ваше — Ларен. А как поживает милая Нэнд? Такое несчастье, такое несчастье! Как вы только перенесли это, мои дорогие!..

Ее голос дрогнул, но она, словно желая скрыть смятение, забарахталась в паланкине.

— Вытащи меня отсюда! Болван! — закричала она, адресуясь к Конану.

Киммериец, который по настоянию Эригоны и оплатил наемный паланкин, заскрежетал зубами. Тем не менее он не стал нарушать игру и схватил своими могучими рушищами старуху за талию. Она была такой хрупкой, что, казалось, одно неверное движение — и старая женщина переломится пополам.

Конан выволок ее из паланкина, не столько грубо, сколько неловко, и водрузил на ноги. Она потрясла головой, пытаясь обрести равновесие и вернуть себе присутствие духа. Киммериец махнул слугам, принесшим паланкин, и те поспешили удалились.

— Невоспитанные скоты! — крикнула Эригона им вслед. Они прибавили шагу. Один из них мельком успел увидеть лицо старухи, и этого хватило, чтобы все четверо только и мечтали оказаться где-нибудь подальше от страшилища.

Ларен вздохнул.

— После гибели нашей... нашей Майры... — он с трудом выговорил имя дочери. Горло у него перехватило, и он зарыдал.

Старуха глядела на него одним глазом, быстро моргая. Затем она заговорила хрипло:

— Я сразу же приехала из Аренджуна, как только известие дошло до нас. Вы, конечно, помните Рэинду? Одна, бедняжка, овдовела в прошлом году. И вот, когда Мананнун прибыл с косметикой для Ильвары, мы с Киноссой сразу же рассудили между собой, что негоже оставлять родню в беде без родственного участия и поддержки. Я побывала у Эланны — и вот я здесь.

Она сыпала именами, которые ровным счетом ничего не говорили ошеломленному Ларену. Конан восхищался находчивостью своей нанимательницы. Все эти старушачьи речи звучали в ее устах так естественно, что никому и в голову не пришло бы усомниться в реальности Эланны, бедняжки Рэинды, Киноссы и прочих персонажей. В конце концов, Ларен проникся мыслью о том, что прибытие Эригоны — великое благо для всей семьи и что только близкий друг и родственник мог поступить так великоложно.

— Боги, но ведь вы совсем одряхлели, дорогая Эригона! — слабо улыбнулся Ларен. — Как же вы решились на столь трудное и долгое путешествие?

— Разве могут физические немощи служить препятствием в том случае, когда речь идет о

моей родне, любезный Ларен! — вскричала Эригона. Этот порыв отобрал у нее остаток сил, и она обвисла на руках у Конана. — Вот мой телохранитель, — пробормотала она. — Примите и его как члена нашей семьи. Если бы не Конан, мне бы не удалось... прижать... вас к груди...

И она, к удивлению всех присутствующих, мирно засопела. Конан понял, что старуха спит. Уснула посреди слова. И при этом — киммериец мог бы покляться, что так оно и есть! — Эригона не притворялась. Она действительно спала.

Ларен перевел взгляд на киммерийца, и Конан увидел в глазах мужчины сочувствие.

— Давно вы с ней возитесь? — тихо спросил Ларен.

— Пару лет.

— Тяжело вам приходится!

— Она умная, — сказал Конан. — Правда, в последнее время впадает в маразм. Кроме того, она страшнее смерти, но это только внешность, видимость. Если привыкнуть, то ничего. А в первое время я по ночам просыпался с громким криком, если она мне снилась.

— На все нужна привычка, — согласился Ларен. — Только к одному привыкнуть невозможно: к смерти своего ребенка...

Он снова заплакал.

— Будьте мужественны, — сказал Конан. — Только это вам и остается.

— Я еще держусь, а вот моя жена... Нэнд... Она совершенно утратила рассудок. О нет, она не буйная. Она, напротив, сделалась на удивление тихой. Все ходит, ходит по саду, напевает что-то. Разговаривает сама с собой. И выглядит счастливой! Вы можете себе это представить?

— Могу ли я себе представить счастливую женщину? — переспросил Конан и глубоко задумался. Затем посмотрел на старуху, которая кулем висела в его руках. — Пожалуй, да. Если уж это существо способно смеяться и выглядеть вполне довольной, то, наверное, любое другое — тем более.

— Я не об этом! — воскликнул Ларен и нахмурился. — Я о состоянии моей жены.

— Я ведь не врач и не жрец, — напомнил Конан. — Я телохранитель этого тела. — Он бесцеремонно тряхнул старухой, но та и не подумала просыпаться. — Куда бы мне ее положить? Конечно, она не тяжелая, и я мог бы носить ее на руках повсюду, но это, наверное, вызовет смятение в умах ваших домочадцев.

Ларен спохватился.

— Видите, в каком ужасном состоянии я нахожусь! — воскликнул он. — Я забыл свой долг хозяина дома.

— Это ничего, — утешил его Конан. — Я знал одного жреца, так он забыл имя собственного божества. Начал читать заклинание и... забыл. Вылетело из головы. А спустя миг вылетела и его голова.

— Голова? — Ларен попытался улыбнуться. Смысл рассуждений киммерийца совершенно ускользнул от него. — В каком смысле — "вылетела голова"?

— В прямом, — объяснил Конан. — Она вылетела в окно, в то время как тело осталось в помещении. Забавно, правда? Я сам придумал эту шутку.

Ларен предпочел не вдаваться в подробности и просто велел слугам проводить Конана в покой, предназначенные для гостей. Конану досталась весьма болтливая и вертлявая служаночка. Ей не терпелось расспросить этого красивого, интересного мужчину о нем самом и его хозяйке, поэтому она держалась чрезвычайно предупредительно.

— А ваша хозяйка — она кто?

— Дальняя родственница твоего хозяина, милая.

— О! Ей, наверное, сто лет!

— Да уж не меньше.

— Ну да! А как она на характер? Сердитая?

— На меня трудно сердиться, — сказал Конан.

— Это точно. Вы такой очаровательный мужчина.

Конан оскалился и зарычал, подражая дикому зверю. Служаночка в восторге захлопала в ладоши.

— Я так и думала! Как вас увидела, так сразу и подумала!

— Что?

— Не притворяйтесь! Вы знаете — что!

— Что я оборотень?

— Нет, что вы страстный мужчина.

— Я буду страстным, если ты мне кое-что расскажешь. Кто тут главный?

— Хозяин. Ларен.

— Он, кажется, убит горем.

— Не настолько, чтобы не заправлять всем в собственном доме. От него ни одна мелочь не уйдет, будьте уверены! Вы его с толку сбили, я видела, но это ненадолго. Он уже скоро во всем разберется.

— Он не сумел разобраться с исчезновением собственной дочери, где уж ему меня раскусить.

— Это правда, — девушка лукаво блеснула глазами. — Раскусить такого мужчину под силу только женщине...

— Кстати, о женщинах, — Конан не поддержал ее игривого тона, хотя в другое время не упустил бы случая. — Нэнд, жена хозяина. Какая она?

— Тихая. Хозяин думает, она сошла с ума, но она просто... она мечтательная. Ей все думается, что она разговаривает с Майрой. Майра была ее единственным ребенком. У них больше почему-то не рождалось детей. Боги не были благосклонны к Ларену и Нэнд, и тут уж ничего не поделаешь. А когда Майра погибла... Жаль ее. Она хорошая была. — Служаночка на миг затуманилась грустью. — Майра никогда не сердилась, а уж какая насмешница! Мы с ней, бывало, хотели и хотели!.. К ней двое сватались. Аркамон и Рувио.

— И как они, симпатичные? — поддразнил девушку Конан.

Она надулась.

— За кого вы меня принимаете? Я чужих женихов не отбиваю. Рувио — просто душенька. На вас чем-то похож, только с бородкой. Маленькая такая бородочка, он ее маслом смазывает. От него всегда приятно пахнет.

— Хочешь сказать — потом, сталью, конским навозом, пылью?

— Фи, мой господин, как вы можете такие ароматы назвать приятными! Нет, амброй и мускусом.

— Кром! Какая мерзость!

— Он мужественный. И нравился Майре. Лицо открытое, доброе. Да вы его увидите, поймете.

— Где же я смогу его увидеть? Не на гладиаторской же арене!

— Помилуйте, господин мой, вы все щутите! Господин Рувио гостит в доме. Это наш хозяин, господин Ларен, придумал. И Рувио, и Аркамон — оба наши гости. Как в былые времена, когда они ухаживали за Майрой. Госпожа Нэнд их видит, и ей кажется, будто все как в старь, будто Майра вот-вот войдет в сад и со смехом подбежит сперва к матушке, а потом к батюшке, ну уж а после примется дразнить женихов.

— Стало быть, в доме сейчас гостят оба соперника... — задумчиво повторил Конан. — Интересно.

— Да уж куда интереснее! — служанка наморщила нос. — Оба мрачные, друг на друга волками глядят. Как будто подозревают, что кто-то из них утопил Майру в пруду.

— А что, такое возможно?

— Да чтобы вам провалиться, мой дорогой господин, с подобными предположениями! Мне и самой иной раз в голову лезет... Да я ведь глупая служанка, что на меня глядеть.

Конан остановился и воззрился на девушку.

— Ну вот, я на тебя гляжу.

— А толку-то? — Она с сердцем передернула плечами. — Вот гостевые покои. Извольте.

Они вошли в небольшую комнату, убранную просто, но изящно. Белые драпировки закрывали окна и дверные проемы. Кровать стояла посреди комнаты. Для умывания был предназначен большой серебряный таз в форме раковины.

— Мило, — Конан огляделся по сторонам и явно остался доволен увиденным.

Он уложил Эригону на кровать и заботливо укрыл ее. Покрывало при этом упало, и лицо старухи открылось девушке. Служанка застыла на месте с вытаращенными глазами. Конан резко обернулся к ней.

— Что это с тобой?

— Какая уродина! — прошептала девушка.

— Посмотрим еще, какой будешь ты в ее годы.

— Вы шутите, господин, да разве я доживу до такого возраста! У меня работа опасная.

— Хватит болтать, — строго приказал Конан. — Ты будешь ей прислуживать. Подавать умывание и все такое. А этот Аркамон — он кто?

Разговор изменил свое направление так неожиданно, что девушка не сразу поняла, о чем ее спрашивают. Они покинули комнату, где дремала старуха, и снова выбрались в сад.

— Аркамон — человек неприятный, хотя пахнет от него еще лучше, чем от Рувии. Он как-то скользкий. Служанки такие вещи сразу угадывают, — сказала девушка со скромной гордостью. — Ну вот, положим, бывают господа, которых всякая служанка охотно приласкает, будь он хоть женат, хоть холост. А бывают такие, от которых бежать хочется. А почему — непонятно.

— Очевидно, не только служанкам хотелось бежать от Аракамона, но и Майре.

— Она ведь ему отказалась, не так ли? — ответила служанка. — А уж Майра знала толк в этой жизни. Можете мне поверить! Она и в мужчинах разбиралась, и в еде.

— А при чем здесь еда? — изумился Конан. С его точки зрения, пища должна быть мясной и обильной, а все остальное абсолютно не имеет значения. — Какая связь между мужчинами и едой?

— Радость жизни! — служанка назидательно подняла палец.

— Радость от того, что мужчина ест?

— Нет, — служанка захихикала и подтолкнула Конана под руку. — Добрая трапеза и хорошие мужчие объятия доставляют почти равное удовольствие. Да не притворяйтесь вы, будто не понимаете, о чём речь! Если женщина хорошо кушает, то и в постели она хороша.

Конан не выдержал и щипнул служанку за бочок. Она взвизгнула.

— Проверить, что ли, насколько ты права?

— Это уж как вам хочется, мой господин... А вот бедняжка Майра — та любила покушать, я к чему веду. Она только цветочный мед не любила. И то — не столько не любила, сколько просто от него чихала. Как поест, хоть немножко, так все, готово дело, чихает целый день, как заговоренная! Такое воздействие на нее оказывал. Вы когда-нибудь слыхали о подобном?

— Трудно, наверное, чихая заниматься любовью с мужчиной, — заметил Конан.

Служанка хихикнула снова, но затем вспомнила о том, что разговаривают-то они об

умершей, и снова посеръезнела.

— Так я и говорю, она всегда много кушала. И в тот день плотно поела, а после пошла к пруду, чтобы облиться прохладной водой из кувшина — у нас все так делают. Свалилась прямо в пруд, должно быть, и выбраться не смогла. Ее обед прямо на дно утащил, я так это объясняю. Еда в желудке как камень лежит, ей нужно дать время...

— Ясно, — сказал Конан изумленно. Сам он редко испытывал подобные ощущения. Ел он, когда удавалось, всегда много, но неудобств от еды пока не случалось.

Служанка поцеловала его и, смущенная собственной дерзостью, поскорее убежала. А Конан принялся бродить по саду. Ему хотелось получше осмотреть пруд.

Однако в десяти шагах от пруда он уловил чьи-то громкие, возбужденные голоса и остановился. Как тень, киммериец метнулся к густым кустам, что росли на берегу, и спрятался там. Ему почему-то подумалось, что лучше подслушать скорую незамеченным. Кто бы сейчас ни ругался между собой, при постороннем человеке эти двое не будут столь откровенны.

Конан осторожно выглянул в просвет между листьями. Он сразу узнал по описанию служанки обоих женихов бедной Майры. Рувио был широкоплеч, с темно-русой бородкой, со скуластым, немного простодушным лицом. Его соперник Аркамон казался старше лет на десять. Он был выше, стройнее, но в его бледном оливкового цвета лице угадывалось нечто неприятное, тревожащее. Такие мужчины действительно редко имеют успех у служанок — а уж служанки-то в людях хорошо разбираются!

Голос у Рувио был низкий, немного хриплый — от волнения, надо полагать, а у Аркамона — резкий, пронзительный.

— Я удивляюсь только одному — твоей наглости, — говорил Аркамон. — Как у тебя хватает нахальства оставаться в этом доме!

— То же самое я мог бы спросить у тебя, — возразил Рувио. — Она ведь отказалась тебе, а ты продолжаешь изображать из себя ее безутешного жениха. Интересно, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы Ларен признал тебя своим наследником? Жаждешь усыновления?

— А ты разве нет?

— Я? — Рувио горько рассмеялся. — Я любил Майру, вот и все. Мне жаль Ларена и Нэнд. Я пытаюсь немного облегчить их страдания.

— Чем? Тем, что расхаживаешь по их саду с кислым видом?

Аркамон рассмеялся. В его смехе не было ни тепла, ни веселья; это был ледяной, бездушный хохот, который слишком многое сказал Конану, но, кажется, совершенно ничего не открыл Рувио. Парень продолжал горячиться:

— Я любил Майру и до сих пор люблю ее! Но я — человек. Когда закончится срок траура, я сумею начать жить дальше. Может быть, даже когда-нибудь найду себе жену. Кто знает! Встречу девушку, которую сумею полюбить... Я не изображаю из себя «сына» несчастных родителей, как это делаешь ты. Я — их искренний, сердечный друг. И как бы ни сложилась дальше моя судьба, я навсегда останусь их другом.

— Кажется, ты пытаешься сказать мне, что ты — лучше меня? — осведомился Аркамон.

— Ничего я не пытаюсь! Я просто объясняю тебе свое поведение и выражая недоумение касательно твоего. Ты здесь никто и останешься никем.

— Можно подумать, ты здесь — важная шишка! — воскликнул Аркамон. Глаза его вспыхнули дьявольским блеском. — Это ведь из-за тебя она утопилась.

— Что?

Рувио побледнел. Его бородка стала казаться приклеенной к белому лицу. Затем краска медленно прихлынула к щекам Рувио.

— Повтори! Что ты сказал? Повтори! — прошептал он, обращаясь к Аркамону.

Его соперник с деланной небрежностью пожал плечами.

— Только не изображай, будто я сказал что-то ужасное или что-то такое, о чем ты прежде не знал...

— О чём я не знал?

— О том, что она доверяла тебе.

— Разумеется, она доверяла мне, если собиралась выйти за меня замуж! — горячо воскликнул Рувио.

— Ты обесчестил ее, мерзавец! Ты лишил ее невинности прямо здесь, в саду! Думаешь, я этого не знаю? — Аркамон надвинулся на Рувио и с ненавистью уставился на него.

Рувио чуть шевельнул плечами.

— Мы действительно были вместе здесь, в саду, но какое это имеет значение, коль скоро до нашей свадьбы оставалось всего несколько дней?

— Свадьба? Ты меня смешишь! — Аркамон снова хохотнул. У Конана мороз прошел по коже при звуках этого отвратительного смеха. Рувио передернуло.

— В моих намерениях не было смешить тебя, Аркамон.

— Ты узнал, что ее семья далеко не так богата, как ты предполагал. Ты ведь сам сказал ей, что передумал жениться... В отчаянии бедняжка бросилась в пруд и утонула. Разве не так все было?

Рувио молча размахнулся и ударил Аркамона по лицу. Тот схватил противника за запястье.

— Не смей этого делать! — прошипел Аркамон.

Рувио все так же безмолвно вырвался и накинулся на Аркамона с кулаками. Сверкнул нож.

Конан понял, что пора вмешаться. Он выскоцил из своей засады — по счастью, оба врага были так заняты попыткой выпустить друг другу кишки, что не заметили соглядатая и обнаружили Конана лишь в тот миг, когда он вмешался в драку.

Несколько мощными ударами Конан разбросал соперников по сторонам. Сидя на земле, Рувио потирал загривок и ощупывал плечо, на котором остались царапины. Аркамон с хищной улыбкой спрятал нож и первым поднялся на ноги.

— Кого имею счастье приветствовать? — обратился он к киммерийцу.

— Меня зовут Конан, — представился тот. — Я телохранитель одной старой дамы. Родственница здешних хозяев.

— Боги! — с деланным негодованием вскричал Аркамон. — Неужели старая кочерга тоже претендует на наследство?

— Кто говорит о наследстве? — удивился Конан.

— Он! — хмуро произнес Рувио, указывая на Аркамона.

— Ничего подобного, — заявил Аркамон. — Это Рувио играет здесь с Нэнд в дочки-матери. Точнее, в сыночки-матери. Отвратительное зрелище. У вас будет возможность полюбоваться на это, дружище.

Он кивнул Конану и удалился.

Киммериец проводил его глазами и повернулся к Рувио.

— Он вас ранил?

— Пустяки. — Молодой человек снова потер царапину на плече.

Что-то сверкнуло на солнце, да так ярко, что киммериец на миг прикрыл глаза. "Неужели почудилось? — подумал он. — Надо проверить!"

— Я помогу вам встать! — объявил Конан, протягивая руку Рувио.

— Благодарю.

Молодой человек схватил протянутую ему руку, и Конан обхватил пальцами его запястье.

— Браслет! — удивленно проговорил он, нашупав украшение, которое мгновение назад

привлекло своим блеском его внимание. — Как странно, золотой.

— В этом нет ничего странного, — улыбнулся Рувио. — Богатые мужчины в Шадизаре часто обвешивают себя золотыми безделушками. Наверное, вам кажется это в диковину.

— Да, — сказал Конан. — В Киммерии единственное, что украшает мужчину, — это его меч. Железный, разумеется, а не золотой.

Рувио хмыкнул.

— Ну а мы здесь, кажется, чересчур изнежены.

— Глядя на вас, этого не скажешь, — прищурился Конан.

— Чистая видимость... Впрочем, этот браслет мне дорог вовсе не потому, что он золотой. Взгляните, какая изящная работа. Мне подарила его моя покойная невеста. Я ношу его в память о ней.

— Ясно, — сказал Конан.

Он не стал говорить Рувио, что совершенно такой же браслет вручила ему Эригона. Старуха явно бывала в этом доме и прежде. Браслет она точно украла отсюда. А может быть, в числе ее знакомцев — ювелир, изготовивший эту вещицу? Или же старуха имеет какое-то отношение к смерти Майры?

Конан неловко извинился перед Рувио и вернулся в покой к старухе. Она уже проснулась и встретила своего телохранителя радостно.

— Осмотрелись?

— Да.

— Вам понравился дом?

— Сад понравился мне больше. Кроме того, я видел обоих женихов Майры.

Старуха напряглась.

— Они оба здесь?

— Кажется, хозяин дома рассказывал вам об этом.

— Не помню... — Она потрясла головой и взглянула на Конана испуганно. — Кажется, я и впрямь теряю рассудок... Забываю самые простые вещи.

— В этом нет ничего удивительного, учитывая ваш возраст. Надеюсь, вы успеете найти бедняжку Майру до того, как помрете от старости. Это будет вашим последним — или единственным? — добрым делом в жизни.

— Да, да, — слабо покивала старуха. — Ну так что женихи?

— Говоря коротко, они подрались.

— Боги! Кто-нибудь ранен?

— Нет, разве что Рувио получил пару царапин.

— У Аркамона был нож. Я так и подумала.

— Нет ничего удивительного в том, что у знатного человека при себе нож, — возразил Конан. — И то, что он пустил его в ход, когда пришла нужда...

— Да, но ведь Рувио этого не сделал!

— У меня такое ощущение, будто и вы неравнодушны к Рувио.

Старуха устало опустила морщинистые веки. Видно было, как перекатываются ее глазные яблоки.

— Мужчины как дети, — сказала она. — Они любят игрушки. Старики тоже как дети и тоже любят игрушки...

— Кстати, об игрушке, — заговорил Конан. — Помните, любезная Эригона, тот браслет, который вы вручили мне в виде аванса? Красивый такой золотой браслет? Еще посоветовали не продавать его здесь, в Шадизаре, а потерпеть до какого-нибудь другого города, где эту вещицу никто не узнает...

Старуха молчала.

Конан наклонился над ней.

— И знаете что меня удивило сегодня, пожалуй, больше всего? На руке у Рувио точно такой же браслет.

— Что? — удивилась старуха, но так ненатурально, что даже очень простодушный человек вряд ли позволил бы ввести себя в заблуждение. — Какой еще браслет у Рувио? Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю о том, что Рувио имеет точно такую же безделушку, что и я. Откуда у него эта вещь?

— А он что говорит?

— Он сказал, что ему подарила Майра. В знак любви. А я думаю, он лжет. Я думаю...

— А я вообще не думаю! — объявила старуха. И запела весьма фривольную песенку, которую наверняка подхватила в кабаке Абулетеса.

Конан попытался еще раз вернуться к разговору о браслете, но тщетно: Эригона либо напевала, либо закатывала глаза и притворялась спящей, либо вдруг начинала хохотать, сотрясаясь всем своим истощенным телом. Последнее зрелище было настолько жутким и отвратительным, что киммериец в конце концов прекратил расспросы и оставил Эригону в одиночестве.

Завтрак приготовили прямо в саду, о чем Конану сообщила хихикающая служанка.

— Вы спите, мой господин? Сладко ли вам было в опочивальне с мумией?

— Прямо как в склепе, — буркнул киммериец.

— А вы ночевали в склепах?

— Чем я только не занимался в склепах, моя дорогая... Кстати, как тебя зовут? Мы с тобой, можно сказать, близкие друзья, а я до сих пор не выяснил, как мне тебя называть.

— "Дорогая" и «милая» — очень хорошие имена.

— Да, но слишком распространенные. Иной раз крикнешь наугад: «милая» — и бегут к тебе сразу пять служанок, две шлюхи, одна повивальная бабка и одна кошка...

— Не слишком-то вы вежливы, мой господин.

— Есть дела, в которых вежливость просто неуместна.

— Ладно, — служанка сделала вид, что обиделась, но не вытерпела и громко фыркнула от смеха. — Меня зовут Ильвара.

— Как тебя зовут? — переспросил Конан.

— Ильвара... А что?

— Красивое имя, — ответил варвар. — А что?

Она засмеялась и поцеловала его.

— Будите свою мумию, мой господин. Хозяин дома приглашает всех к завтраку. Накрыли в саду, по обыкновению. Дом-то разрушается. Здесь нужно много денег, чтобы все привести в порядок, вот хозяева и придумали: если у них в имении кто-то гостит, накрывать к столу прямо под деревьями. Мол, так роскошней. По мне, какая разница, но господин Ларен желает выглядеть эксцентричным, если уж не в состоянии выглядеть богатым...

Конан пожал плечами и принялся расталкивать старуху.

Она с трудом проморгалась. За ночь на ее ресницы налипли комочки гноя, так что ей пришлось очищать глаза пальцами.

— Старость не радость, — сообщила она, увидев Конана. — А безобразная внешность — вообще проклятие.

Киммерийцу показалось, что эта сентенция адресована лично ему, хотя старуха,

несомненно, говорила о самой себе.

— Что-нибудь дурное за ночь случилось? — осведомилась она.

— Почему непременно дурное? — удивился Конан.

— Вы что же, голубчик, никого не обесчестили? — она выглядела недовольной. — Зря теряете время.

— Если верить Аркамону, то это Рувио обесчестил Майру, из-за чего та и утопилась.

— Сущее вранье! — сердито произнесла старуха. — Никто никого не... впрочем, это к делу не относится. Подай мне одеться, раз уж эта бездельница Ильвара ушла.

— Вы знали имя служанки? — удивился Конан.

— Разумеется, она ведь назвала его вам.

— Так вы не спали?

— И вы еще рассчитываете дожить до моих лет? — возмутилась старуха. — С наблюдательностью как у пожилой коровы и находчивостью как у страдающего одышкой мопса? Голубчик, либо вы сильно себе льстите, либо крепко недооцениваете человечество...

— Смотрите, как бы вам самой не оказаться в дурах, — проворчал Конан себе под нос. — Вы будете не первой, кто принял меня за глупого и неотесанного варвара.

— Зато я первая, кто сравнил вас со страдающим одышкой мопсом, — парировала старуха. — Спорим, я первая?

— Я не буду спорить.

— Но я первая?

— Лучше надевайте вот это платье... Оно поможет окружающим смириться с вашей внешностью.

Рядом с кроватью лежало принесенное служанкой Ильварой длинное бесформенное платье, разукрашенное бахромой и маленькими самоцветами. Оно было таким ярким и так сильно блестело и переливалось, что невольно притягивало к себе взгляд — и, соответственно, отвлекало его от лица самой старухи.

Старуха выбралась из кровати и спустила на пол ноги. Ноги у нее были как спички, высохшие и коричневые, ногти — длинные, черные, загибающиеся, как у птицы. Конан с трудом подавил отвращение. "Если бы она была, предположим, не человеком, а гарпиею, я не находил бы ее такой безобразной, — подумал он. — Напротив. Для гарпии она просто очаровательна. Так что следует думать о ней как о чудовище. Об очень симпатичном чудовище".

Он натянул на свою нанимательницу ее блестящий наряд, помог ей спрятать серый пух — волосы — под тонкое покрывало и в конце концов нашел ее вполне привлекательной. Для гарпии, разумеется.

Вместе с Конаном Эригона вышла в сад. Она шагала медленно, наваливаясь на руку своего телохранителя. То и дело она останавливалась и озиралась. Многое в саду представлялось ей интересным, причем чаще всего ее внимание привлекали самые обычные, невинные предметы, вроде клумбы с уже отцветающими цветами или старой скамьи в тени раскидистого дерева.

Наконец они добрались до стола, поставленного на лужайке неподалеку от пруда.

Конан остановился.

— Странное место они выбрали для завтрака! — произнес он. — Наслаждаться яствами там, где погибла их дочь!

— Возможно, им кажется, что бедняжка Майра незримо участвует в трапезах, — возразила Эригона. — Многие народы, в том числе и дикие, верят, что их дорогие усопшие не покидают род, а остаются навечно и охраняют живых. И во время обеда для них выставляют отдельную миску с едой.

— Не знаю, как дики, — ядовито молвил Конан, — но цивилизованные люди нередко...

Он не договорил. Из-за стола навстречу им поднялся единственный пока сотрапезник — Аркамон.

— Доброе утро, — приветствовал он старуху и ее спутника. — Так неловко вышло! Я пришел первым и сижу тут, созерцая выставленные на стол сладости. Я подобен одному персонажу из легенды, который был проклят ненасытным голодом. Гляжу на еду, но кушать не решаюсь.

— Почему? — удивился Конан. Он плюхнулся на мягкое сиденье, забыв прежде усадить свою нанимательницу (по правде говоря, это не пришло ему в голову) и с интересом оглядел стол.

Эригона устроилась на стуле и вперила взор в лицо Аркамона. Он беспокойно посмотрел на нее. Она надула пузырь из слюней, потом покачала головой и уткнулась лицом в ладони.

На столе стояли в вазочках цветочный мед и варенье. Кроме того, имелись тонкие сущеные хлебцы, явно предназначенные для того, чтобы обмакивать их в сладости, и несколько разных напитков в кувшинах.

Конан быстро исследовал содержимое кувшинов, нашел разбавленное вино и налил себе в большую кружку. Аркамон, не скрывая любопытства, следил за ним.

— Кажется, боги не обделили вас аппетитом, друг мой? — заговорил он с Конаном.

— Тот, кого боги обделили аппетитом, несомненно, проклят, — ответил Конан.

— Все-таки подождите, пока к столу выйдут другие, — мягко предложил Аркамон.

— Кажется, здесь меня пытаются обучать хорошим манерам? — в голосе варвара прозвучала едва заметная угроза.

Аркамон невозмутимо улыбнулся своей холодной улыбкой.

— Что ж, нет ничего дурного ни в учебе, ни в хороших манерах.

— Я телохранитель, а не учитель танцев, — буркнул Конан. — И не будет говорить мне об этикете человек, который бросается с ножом на соперника, в то время как тот предпочитает обходиться кулаками.

— Очевидно, это как раз тот этикет, который мне не знаком, — отозвался Аркамон. — Этикет кулачных боев и поединков с поножовщиной.

— Устраивая поножовщину, глупо отрицать, что...

Конана прервали: на поляну явились хозяева дома и с ними Рувио, а сзади бежала служанка Ильвара. Щеки ее горели: она, кажется, опоздала или провинилась и получила выволочку от господ.

Конан впервые увидел Нэнд — мать Майры. Нэнд была одного роста со старухой, может быть, чуть ниже. Румянец на ее щеках увял, глаза потускнели, но на губах постоянно блуждала рассеянная улыбка. Она выглядела как человек, погруженный в тихий транс, почти незаметный для окружающих. Конан сразу проникся сочувствием к этой несчастной женщине.

Ларен пытался держаться бодро.

— Прошу всех к столу! — объявил он, делая приветственный жест. И обратился к старухе: — А вы, дорогая, хорошо ли отдохнули? Вчера вы выглядели чрезвычайно уставшей после долгой дороги. Я не могу выражить, как рад, что ваше родственное участие привело вас под мой кров.

"Неплохо держится для человека, у которого умерла дочь и рехнулась жена, — подумал Конан. — Что ж, сегодня его ожидает еще одно потрясение... Надеюсь, это излечит бедняжку Нэнд".

Конану трудно было представить себе киммерийскую женщину, которая сошла бы с ума таким образом. Тихое сумасшествие? Никогда! Киммерийцы не могут позволить себе подобной роскоши. Они постарались бы восполнить урон — усыновили бы кого-нибудь... Впрочем,

кажется, именно о возможности усыновления и спорили вчера несостоявшиеся женихи Майры.

Конан незаметно вздохнул. Если цивилизованные люди частенько недооценивали «недотепу-варвара», то и сам варвар, хитрый, скрытный и ловкий, нередко недооценивал «цивилизованных неженок».

Что ж, тем приятнее будет одержать верх над достойным противником — и вернуть радость достойным людям.

— А кстати, — брякнул вдруг Конан, хотя никакого разговора за столом пока что не велось и никакого «кстати», соответственно, быть не могло, — ваша пропавшая дочка, Майра...

Ларен поперхнулся.

— О чем вы говорите? — прошептал он, указывая глазами на улыбающуюся Нэнд.

— Я говорю о том, что вы считаете свою дочь умершей, и совершенно напрасно, — сказал Конан. — Это самая большая ошибка, которую могут допустить родители. Ну, не считая неудачно устроенного замужества, конечно...

— Объяснитесь! — потребовал Ларен, видя, что угомонить бесцеремонного телохранителя старухи не получится.

— Да уж объяснюсь! — сказал Конан.

Краем глаза он видел, как Эригона, взяв хлебец, потянулась к вазочке с вареньем.

— Кром! Нет! — взревел киммериец и, выхватив вазочку из-под носа у старухи, швырнул на землю. Варенье растеклось по траве.

Служанка Ильвара застыла в ужасе. Она переводила взгляд с Конана на своего хозяина, как бы решая, кого же ей бояться больше.

Ларен встал.

— Что происходит?

— А что? — сказал Конан развязно. — Разве происходит что-то неожиданное?

— Вы перешли все границы, — вмешался Рувио. — Вы должны покинуть этот дом, вы... вы грубиян!

— А вы — болван, поэтому заткнитесь! — рявкнул Конан. — Ваша дочь пропала, господин Ларен, она пропала, и вы не сумели ее отыскать! Вы даже не сумели понять, что она не умерла!

Ларен задрожал и сел, как будто ноги больше не держали его. Старуха смотрела бессмысленным взглядом то на Конана, то на стол, то на траву, где заманчиво краснело пятно разлитого варенья. Потом с хлебцем в руке полезла к лужице, чтобы все-таки угоститься.

— Возьмите мед, — сквозь зубы произнес Аркамон. — Что за ребячество! Где вас воспитывали? Вас учили подбирать с пола?

— Я не люблю мед, — сказала старуха.

Конан испустил громкий боевой клич.

— Конечно, она не любит меда! Рувио! — Он метнулся к молодому человеку и схватил его за плечи. — Рувио! Браслет!

— Какой еще браслет? — пробормотал Рувио, глядя на внезапно обезумевшего киммерийца с откровенным страхом.

— Тот, который подарила вам Майра! Где он?

— У меня на руке, как всегда. Я ведь говорил, что не расстанусь с ним, пока Майра живет в моем сердце.

— Покажите!

Рувио молчал, недоуменно взирая на Конана.

— Снимите его с руки, недоумок! Живо! — ревел Конан. Он бесился, видя, как медлят все эти люди. Они что, не понимают, что теряют драгоценное время? Да, кажется, не понимают.

Конан схватил Рувио за запястье и сам сорвал с его руки браслет. Затем вынул из поясного

кошеля свой и швырнул его на стол рядом с браслетом Рувио.

— Видите?

Конан, тяжело переводя дыхание, смотрел то на одного сотрапезника, то на другого.

Старуха опять надула пузырь, который со звоном лопнул. Бородавка на ее губе лоснилась от слюны.

— Два браслета, — сказал Ларен. — Какое отношение они имеют к судьбе Майры?

— Один Майра подарила Рувио в знак любви. Другой — мне, в знак признательности. Они одинаковы.

— У Майры действительно был такой же браслет, как и у меня... Это были как бы звенья одной цепочки. Мы ведь еще не были помолвлены официально, поэтому не обменивались кольцами. Майра и придумала...

— Нечто вроде наручников, — фыркнул Конан. — Изобретательная девушка.

Лопнул очередной пузырь на губах старухи. Она размазала слюну по щеке пальцем, посмотрела на Конана, склонив голову набок, как птица, и произнесла:

— Бульк!

Конан только отмахнулся.

— Молчите уж!

— Бульк! — не унималась старуха. — А осы-то сдохли.

Конан глянул туда, куда она кивала подбородком. Другие тоже невольно перевели взгляд. Липкая лужица варенья, растекшаяся по траве, вся была покрыта дохлыми насекомыми.

— Что это? — пролепетала Ильвара, отступая назад еще на несколько шагов.

Конан мельком посмотрел на нее.

— Ты можешь уйти отсюда, Ильвара, если хочешь... Но если тебе интересно посмотреть, что будет дальше, — лучше останься. Потому что предстоит кое-что любопытное... И тебе не грозит опасность, поверь.

— Я останусь, — важно кивнула Ильвара. Впрочем, ее решение мало кого беспокоило.

— Все осы сдохли, — сказал Конан. — Да? Господин Ларен, вы видите дохлых ос?

Хозяин дома только водил головой из стороны в сторону. "Итак, за столом трое сумасшедших, — подумал Конан. — Хороша семейка!"

— Варенье было отравлено, — сказал Рувио.

— Хоть один человек догадался, — фыркнул Конан. — В варенье был яд. А в меду — нет. Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что Майра не ест меда.

— При чем здесь Майра? — удивился Ларен. — Вы ведь не имеете в виду жертвы, которые суеверные люди обычно оставляют для дорогих умерших... Конечно, если бы мы хотели приносить Майре загробные лакомства, мы не стали бы подавать ей мед...

— Загробные? — Конан расхохотался. — Майра жива, говорят вам! Она жива, и я могу ее найти.

— Так сделайте это и не морочьте нам голову! — рявкнул Рувио.

— Вы ее любите? — обернулся к нему Конан.

— Вы знаете, что люблю.

— Вы на все ради нее пойдете.

— Да.

— Поклянитесь!

— Клянусь моей жизнью!

— В таком случае, поцелуйте вот эту старуху.

— Что? — Рувио шарахнулся от Конана, как от опасного безумца.

— Вы поклялись! — напомнил киммериец, щуря глаза. — Вашей жизнью. Ну так целуйте ее, или я зарублю вас прямо в саду. Учтите, я в состоянии сделать из одного целого человека две равных половинки... И это будут совершенно не те якобы разделенные богами «половинки» единого существа, о которых грезят влюбленные. Вы меня поняли?

Рувио медленно приблизился к старухе. Она застыла на месте, как изваяние. Рувио закрыл глаза, чтобы ее не видеть. Конан вытащил из ножен меч и острием подкалывал Рувио под лопаткой.

— Идите, идите, герой. Идите, вас ждет ваша возлюбленная.

Рувио сделал еще шаг, наклонился и осторожно прикоснулся губами к изуродованным губам старухи.

Молодого человека передернуло от отвращения... и в тот же миг он понял, что не в силах пошевелиться. Он прирос к своей омерзительной «подруге». Он не мог ни двинуться с места, ни выпрямиться. Его рот так и остался прижатым ко рту Эригоны.

Конан застыл с мечом. Острие меча по-прежнему подкалывало Рувио в спину. Конан хотел было убрать руку, отодвинуть клинок, но... не сумел.

Наполовину встав, на полусогнутых ногах замер Ларен. Служанка пострадала меньше всех — она прижалась к стволу дерева да так и «приросла» к нему. Ей по крайней мере было удобно стоять.

В неловкой позе окоченела и Нэнд. Она как раз обернулась к пруду, в тысячный раз вступая в мысленный диалог со своей погибшей дочерью.

Один только Аркамон чувствовал себя, по-видимому, превосходно.

— Что ж, — молвил он. — Я пытался действовать по-хорошему. Я сватался к вашей дочери, но вы — глупцы! — позволили Майре самой сделать выбор. И она, конечно, выбрала не того парня. Что ей этот Рувио? Смазливая физиономия, крепкие руки, небольшое состояние — и безмозглая голова. Идеальный муж, надо полагать! Я был бы ей куда лучшим мужем. С ее деньгами и моими талантами мы могли бы править всем Шадизаром. Но — нет, нет, нет!.. "О, мой Рувио! Навек твоя!" — передразнил он тонким голосом. — Глупости. "Я никогда не буду твоей, Аркамон! Твои домогательства мне противны!" Дура! — закричал он, повернувшись к Эригоне. — Ты была дурой, и я покарал тебя. О, я не стал убивать Майру. Я не так уж глуп. Я превратил ее в омерзительную старуху. И чтобы она не сумела меня разоблачить, сразу сказал ей: проболтаешься — умрут и мать твоя, и твой отец, и твой глупый женишок. Все умрут в тот же мир. Но ты, — он с силой ударил Эригону кулаком, но она, погруженная в оцепенение, даже не покачнулась, — все не могла угомониться. Твой ум начал покидать тебя. Старость брала верх. Еще несколько дней — и ты впала бы в старческое слабоумие, а потом и вовсе бы померла от слабости и болезней. Но ты все это предугадала. Хитрая бестия! Говорю же, из тебя вышла бы отличная жена для колдуна. Ты прогадала. Теперь ты побеждена, Майра. Ты все равно умрешь. Я понял, что ты не сдалась, и решил избавиться от тебя. Но этот верзила, — тут Аркамон метнул полный ненависти взгляд в Конана, — вмешался. Он оказался не так глуп, как прикидывался. Сразу догадался про варенье...

Неожиданно Аркамон замолчал. Одна из ос вдруг вырвалась из липкого плена и с трудом взлетела в воздух. Она уселась Аркамону на голову и внезапно ужалила его в шею.

Яд проник в кровь мага почти мгновенно. Он подавился на полуслове, качнулся... из его рта пошла черная густая пена, из горла вырвался отчаянный хрип... Аркамон упал прямо лицом в отправленную лужу и затих.

Оцепенение оставило зачарованных людей. Первой очнулась Нэнд. Она упала бы, если бы ее муж не сумел поймать ее и прижать к груди.

Конан едва не вонзил клинок в спину Рувио, так неожиданно было для него возвращение к жизни. Только чудо спасло молодого человека — и еще быстрота реакции киммерийца.

Однако Рувио постигло такое потрясение, что он даже не заметил грозившей ему смертельной опасности.

Старуха в его объятиях превратилась в молодую девушку. Это была Майра, смешливая, с ямочками на щеках, с хорошенъкими губками и темными густыми волосами.

* * *

— Она знала, что я непременно обращу внимание на браслет, — сказал Конан Рувио чуть погодя, когда тело мага было сброшено в пруд, куда последовала и отравленная земля вместе с лужицей варенья и дохлыми осами. — Такую вещь трудно не заметить. К тому же ей сказали, что я... гм... разбираюсь в украшениях и всяких там блестящих побрякушках.

Майра весело кивала.

— Именно так все и было. Я спросила — кто самый ловкий вор в Шадизаре, и мне указали на вас, милый Конан.

"Милый Конан" ухмыльнулся.

— И вот она дарит мне браслетик! А спустя пару часов я замечаю такой же браслетик на руке у молодого бездельника, который носит его в знак своей вечной любви к пропавшей Майре.

Конан подмигнул Рувио.

— Это не могло быть случайным совпадением, не так ли? Но окончательно я обо всем догадался, когда услышал имя служанки.

— А это-то здесь при чем? — смеясь, спросил Ларен.

— Когда госпожа Эригона перечисляла всех знакомых, с которыми якобы обсуждала ваши семейные дела, она назвала имя «Ильвара». Я думаю, она сделала это нарочно. Она ведь знала, что я непременно заведу шашни с какой-нибудь красоткой в этом доме... И, поскольку знала всех красоток, разумно предположила, что этой избранницей станет именно Ильвара. Два намека — и я обо всем догадался. Остальное оказалось совсем нетрудно. Все вышло бы еще проще, если бы все вы не были такими тугодумами.

— Проклятье! — сказал Рувио. — Я только сейчас сообразил: ведь ты же мог, сам того не желая, меня убить — там, в саду, когда Аркамон нас всех заколдовал!